

ЗАЩИТНИК

После урока меня домой подвез Защитник — он приезжал к Хозяину по какому-то делу. Дорогой я спросил его, насколько его нынешняя работа отличается от работы в ЦК КПСС. Он рассмеялся.

— А насколько ваша работа в качестве домашнего учителя сына финансового олигарха отличается от работы профессора государственного института?

— Понятно. Извините за глупый вопрос.

— Вопрос не глупый, а по сути дела. В советские годы я с самого низа социальной иерархии поднялся на ее вершину — в мозг великой сверхдержавы, претендовавшей на роль лидера мировой истории. И не без оснований. Поверьте, я не был карьеристом и не думал о работе в аппарате партии. Кто-то взвесил мои данные. Мне предложили работу в реферативной группе на низшем уровне, причем даже не в аппарате ЦК КПСС, а в управленческом учреждении вне его. Я подумал, что научная и профессорская карьера мне не светит, жизненные условия были паршивые, на улучшение их надежды не было — и согласился. Обнаружилось, что я хороший работник. Мне предложили перейти в аппарат ЦК, разумеется, на низшую должность. Работа мне нравилась. Жизненный уровень сразу повысился. Думаю, что вы, даже став профессором, не достигли такого.

— Вы правы. Но я был доволен тем, что имел без усилий.

— Поверьте, и я не был одержим обогащением. Благополучие приходило само собой. Оно было положено (обратите внимание на это!) мне по положению в аппарате. От меня требовалось одно: добросовестная и квалифицированная работа на посту, на какой меня назначали.

— Я понимаю. Я сам все это прошел и испытал на себе.

— Работа меня устраивала вполне. Я с ней справлялся. Имел благодарности, награды, повышения. Имел все по потребности. Гарантии будущего лично и для детей. Одним словом — как при марксовском коммунизме. А теперь...

— Ясно. Можете не пояснять. Меня интересует, как же так...

— Понимаю ваше недоумение. Но отвечу таким же недоумением по вашему адресу.

— Согласен. Но есть одно различие между нами. Я был узким профессионалом, далеким от социальных проблем и от политики. А вы...

— Вы правы. Я был в самом мозгу власти. Моей профессией было управление идеологической войной против Запада. Вы вправе спросить: почему мы допустили поражение нашей страны именно в холодной войне, главным оружием в которой была идеология?

— Да. Меня эта проблема волнует.

— Дело в том, что изображение холодной войны как войны идеологической есть дело западной идеологии. В этой войне использовалось идеологическое оружие. Война приняла внешнее обличие идеологической. Но по своей сущности она не сводилась к идеологии. Она была глубже, серьезнее. Мы не проиграли идеологическую войну. Мы проиграли холодную войну. А это не одно и то же. Точнее говоря, мы проиграли холодную войну не потому, что проиграли идеологическую, — повторяю: идеологически мы не проиграли. Мы проиграли ее в других отношениях: экономически, политически, психологически... И из-за человеческого материала.

— Для меня это ново. Даже Критик...

— Ваш Критик в начале восьмидесятых годов писал в западной прессе, что идеологическое оружие исчерпало себя, не дав желаемого результата, что диссидентство пошло на убыль, что холодная война вступает в новую фазу — становится «теплой», что средства диверсионной войны большого масштаба становятся главными.

— Это значит...

— Это значит, что перед силами Запада практически вставала задача взятия Кремля и открывался шанс для этого.

— И вы это понимали?

— Да. И не только я. Но с нами не посчитались.

— Кто?

— Те, от кого зависело принятие решений. Их борьба за высшую власть оттеснила интересы страны на задний план.

— Почему вы не пишете об этом?

— Всему свое время. Кстати, каковы успехи вашего ученика?

— Неплохо. От природы он, очевидно, способный парень. Если удастся заинтересовать, толк выйдет.

— Неудивительно. Отец имеет репутацию финансового гения. Но я боюсь, что такая гениальность не доведет до добра.

— Как вас понимать?

— Постсоветская Россия — тут все принимает криминальные формы.

— Мой Сын собирается открыть свое дело. Хочет получить кредит в вашем банке.

— Не советую.

— Открывать дело или брать кредит?

— И то и другое.

— Я тоже так думаю. Но наши дети думают иначе.

— Да. Мой старший сын затеял свой журнал. Сомневаюсь, что будет успех. Но он хочет попробовать. Вдруг получится? Сейчас наступило время для риска. Это у нас не было проблем, связанных с инициативой и риском. Теперь молодежь должна думать о своем будущем сама. Теперь другие качества дают преимущества, чем в годы нашей молодости.